

трудником «Русского мира», Достоевский, с одной стороны, дал комментарий к своим «Бесам», с другой – изложил свой взгляд на современное общественное движение и его исторические корни и вновь заглянул в свою душу, душу молодого человека, приносящего себя в жертву народному счастью.

Достоевский мыслит себя представителем сложного общественного и литературного развития в России за три десятилетия. Потому так постоянно и естественно в процессе обсуждения самых горячих вопросов современности Достоевский переходит к рассказу о себе. В «Дневник писателя» включены целые биографические главы: «Старые люди», «Нечто личное», «Одна из современных фальшей» (1873), «Одно слово по поводу моей биографии», «Мужик Марей», «За умершего» (1876), «Русская сатира. Старые воспоминания», «История глагола “штушеваться”» (1877). Кроме того, по мнению Л.М. Розенблюм⁸, «биографизмом» проникнуто все повествование «Дневника».

В «личной» теме «Дневника» особенно выделяются Достоевским те события прошлого, которые, будучи вехами его собственной жизни, имеют «назидательный» смысл: «Человек (...) уже по самой необходимости наклонен отмечать как бы точки в своем прошлом, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания» [24;44]. При этом «собственное назидание» в «Дневнике» становилось общественным. Такие «точки» биографии, к которым чаще всего обращается писатель, – годы детства и юности с воспоминаниями о мужике Марее и фельдъегерской тройке, блестящее вступление в литературу с романом «Бедные люди» и встречи с Белинским, незабываемые минуты «смертного страха» на Семеновском плацу и годы сибирской каторги.

Мемуарные страницы «Дневника писателя» являются отражением фактов общественно-

политической жизни общества и литературы в личности Достоевского и определяют то нерасторжимое единство личного и общего, которым отличается жанр «Дневника». Достоевский расширяет причинность и обусловленность частного случая, ведя читателя от понимания духовного масштаба русского народа до осознания тех общественно-политических перемен, значение которых еще не было до конца осмыслено и требовало публицистического разрешения вопроса. Факты и воспоминания включены в определенную концепцию о народе, России и мировоззренчески освоены. Особое место занимает литературно-критический аспект в стремлении Достоевского осмыслить творчество писателей-современников в контексте русского национального сознания.

Примечания

- 1 Смирнова В.В. Ф.М. Достоевский о своем реализме на страницах «Дневника писателя» // Писатель. Критик. Журнал: Сб. науч. тр. Саратов, 2007. С. 43.
- 2 Фридендер Г.М. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 279. Далее произведения Достоевского цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках тома и страницы.
- 3 Туниманов В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский-художник и мыслитель. М., 1972. С. 167–168.
- 4 Смирнова В.В. «Дневник писателя». К проблеме творческого самоанализа Ф.М. Достоевского // Русская литературная критика. Саратов, 1988. С. 67–68.
- 5 Туниманов В.А. Указ. соч. С. 183.
- 6 Тургенев И.С. Последнее свидание // Тургенев И.С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1994. Т. 3. С. 495.
- 7 Батюто А.И. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1981. Т. 25. С. 337.
- 8 Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 56.

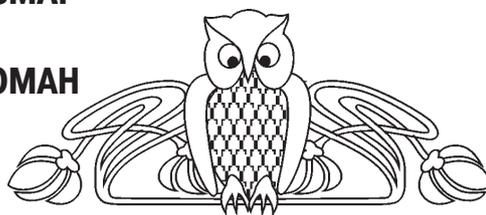
УДК 821.112.2.09.:316.255+929 Зиммель

ТЕОРИЯ УРБАНИЗМА И ПРАКТИКА МОДЕРНИЗМА: ЭССЕ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ «БОЛЬШИЕ ГОРОДА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ» И МОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН «БОЛЬШОГО ГОРОДА»

А.Г. Кабисов

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: KabAG@mail.ru

В статье анализируется один из основополагающих текстов теории урбанизма – эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» (1903). Как и работы других немецких мыслителей рубежа

веков, зиммелевская интерпретация опыта жизни в современном мегаполисе во многом перекликается с одновременно создававшимися в литературе художественными образами города. Аспекты жизни мегаполиса, освещенные Зиммелем, организуют все уровни повествования в модернистском «романе большого города».

Ключевые слова: Зиммель, урбанизм, мегаполис, модернизм, «роман большого города».

Urban Theory and Practice of Literary Modernism: Georg Simmel's Essay «The Metropolis and Mental Life» and the Modernist Großstadtroman

A.G. Kabisov

The article analyses one of the fundamental texts of urban theory – Georg Simmel's essay «The Metropolis and Mental Life» (1903). Like other works of German thinkers at the turn of the twentieth century, Simmel's interpretation of urban experience is shown to correlate with literary images of the city produced by modernist Großstadtroman. Aspects of metropolis, elucidated by Simmel, provide structural patterns for the genre.

Key words: Georg Simmel, urbanism, metropolis, modernism, metropolitan novel.

В последние десятилетия в мировой науке резко возрос интерес к феномену мегаполиса, что привело к формированию особой гуманитарной дисциплины – городских исследований (urban studies). Наряду с изучением пространственной организации, экономики, социологии и истории города, важное место в городских исследованиях занимает анализ образов мегаполиса, в частности его художественных репрезентаций, их символического содержания. Все чаще объектом внимания современных исследователей становятся и образы мегаполисов, созданные основоположниками теории урбанизма – по преимуществу немецкими¹ философами культуры и социологами конца XIX – начала XX в. – Георгом Зиммелем, Максом Вебером, Вернером Зомбартом, Вальтером Беньямином и др.² Их работы снова и снова подвергаются анализу, пере- и доосмыслению. Их идеи и методы пытаются вписать в ту или иную парадигму или же, наоборот, показать их самобытность и исследовательский потенциал, благодаря которым они остаются столь востребованными даже спустя столетие.

С аналогичным постоянством и интенсивностью литературоведы обращаются примерно к тому же периоду – к эпохе генезиса модернизма в конце XIX в. и расцвета модернистского романа в 1920-е годы³. Причем значительная часть этих работ рассматривает проблему модернизма в тесной связи с феноменом мегаполиса, его репрезентацией и влиянием урбанистического образа жизни на восприятие действительности и способы создания художественного текста⁴. Эти вопросы актуальны и по отношению к современной литературе, поскольку жанр «романа большого города», похоже, еще далеко не исчерпал себя.

Подобное «совмещение стрелок» проблематики социологической теории и художественной литературы (а вслед за ней и литературоведения), указывающих на мегаполис, конечно, не случайно и происходит не впервые. Отдавая себе отчет в механистичности и ограниченности применения этой метафоры, можно сказать, что подобно тому, как часы служат человеку, в конечном счете, эквивалентом вращения Земли вокруг собственной оси

и Солнца, репрезентация города в художественной литературе и гуманитарной мысли показывает изменение состояния и значимости этого феномена в культуре⁵. С момента появления в начале XIX в. на этих часах стрелки социологии, ее связь со стрелкой художественной репрезентации определяется сложным и нелинейным механизмом взаимных влияний и интерпретаций.

Дэвид Фризби подробно рассматривает смысловые пересечения работ социологов и философов рубежа XIX–XX в. с репрезентацией Берлина в искусстве экспрессионизма. Анализируя высказывания Тённиса, Ратенау, Фриделя, Энделя, Зомбарта, Зиммеля, Кракауэра и Блоха, он убедительно доказывает свой тезис: «Многие из этих присутствующих в социальной теории реакций на опыт жизни в мегаполисе предвосхищают и освещают различные аспекты экспрессионистских репрезентаций большого города»⁶.

Мы же в данной статье ограничимся анализом программного эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» (1903), с тем чтобы показать, что объединяет идеи этого немецкого социолога со спецификой модернистского романа мегаполиса.

Первые же строки эссе о борьбе индивидуума за свою самостоятельность и самобытность с давлением общества, исторической традицией, внешней культурой и техникой жизни, являющейся источником «глубочайших проблем современной жизни», обнаруживают параллели с филологической концепцией конфликта героя и внешнего мира как основы эпических жанров, что уже устанавливает определенную близость между атмосферой современного мегаполиса и пространством романа.

Далее Зиммель обращается к психологическим аспектам урбанизма: «Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, – это *повышенная*⁷ нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений»⁸.

Ту же смену впечатлений современные критики считают и психологической основой городского романа: «Решающим новшеством в романе второй половины XIX в. – начала XX в. <...> стал сдвиг в сторону повествования, описывающего цепочку одномоментных ощущений – сенсорных, нервных, ментальных – главного героя или героев. Я назову эту повествовательную манеру «реализмом ощущения»; она может служить основой повествования даже у тех романистов, которые глубоко озабочены социальной и материальной действительностью. На пересечении постепенного развертывания «реализма ощущений» и возникновения городской реальности нового порядка и будет строиться наше рассмотрение романистов от Флобера до Кафки и Джойса»⁹.

В текстах модернистов 1920-х гг. – Джойса, Дёблина, Дос Пассоса, Вулф – эта черта нового романа проявлена наиболее ярко, поскольку авто-

ры, осознавая дискретность и обилие сенсорных и ментальных впечатлений горожанина, не только изображают их воздействие на персонажей, но и стремятся воссоздать эту городскую атмосферу в форме романа, погружая в нее читателя с помощью приемов художественного монтажа, «потока сознания», постоянной смены планов и повествовательных перспектив. Кроме того, в модернистских текстах центральные персонажи, живущие в большом городе, очень часто имеют признаки тех или иных психических отклонений и травм, как, например, Септимус Уоррен-Смит в романе В. Вулф «Миссис Дэллоуэй», болезненно воспринимающий реальность Лондона и в итоге совершающий самоубийство.

Более традиционалистским элементом зиммелевских размышлений выглядит оппозиция рассудочности мегаполиса и преобладания чувственной составляющей в жизни маленьких городов и деревень: «И тот глубокий контраст, который существует между жизнью большого города и жизнью маленького города или деревни, отличающейся медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни, этот глубокий контраст вносится в наши органы чувств, – этот фундамент нашей душевной жизни, – и в то количество сознания, затраты которого требует от нас, как от существ, познающих лишь на основании различий, большой город» (23).

Здесь стоит обратить внимание на лексику, которой пользуется автор: на наш взгляд, ключевым словом в этом отрывке является прилагательное «привычный»¹⁰. Зиммель в подтверждение своей же мысли о «познании на основании различий» мыслит мегаполис в сравнении с «деревней», т.е. с до-урбанистическими формами социальной жизни, признавая за ними статус точки отсчета не только в историческом ракурсе, но и в личном опыте индивидуума. О том же говорит и упомянутое выше «усиление работы нервной системы» (*Steigerung des Nervenlebens*). Осмысление мегаполиса в сравнении с деревней объясняется тем, что на рубеже XIX–XX в. население европейских метрополий и особенно Берлина (который и стал прообразом мегаполиса в эссе Зиммеля) росло чрезвычайно быстро: «... в 1870 году, в момент объединения [Германии], население Берлина составляло более трех четвертей миллиона человек, к 1895 году оно насчитывало один миллион, а в 1920 году в Большом Берлине проживало уже около четырех миллионов человек»¹¹.

Понятно, что такой рост населения обеспечивался в основном переселенцами из прилегающей сельской местности и относительно небольших городов. Поэтому большинство живущих в Берлине людей действительно могли воспринимать его только в сравнении с теми населенными пунктами, откуда они приехали. Но к началу XX в. Берлин не мог восприниматься как привычная, «естественная» среда даже коренными жителями, в том числе самим Зиммелем, поскольку за те же

50 лет в городе стремительно проходил масштабный процесс модернизации – массового строительства, реконструкции, создания транспортных сетей и коммуникаций, технического оснащения. Соответственно менялся и образ жизни. Отсюда и принципиальная динамичность и компаративность исходных позиций социолога – *повышение* нервозности жизни и противопоставление большого города более привычной деревне.

От традиционного для западноевропейской культуры противопоставления города и деревни интерпретацию Зиммеля отличает попытка объяснить причины этого контраста. Интеллектуализм, рассудочность и равнодушие горожан Зиммель считает, с одной стороны, «своего рода охраной субъективной жизни от насилия большого города», с другой же – следствием включенности городских жителей в денежный тип хозяйства: «Деньги спрашивают только о том, что является общим для всех соответствующих явлений, а именно о меновой ценности, которая нивелирует всякое качество и всякую оригинальность под единый критерий количества. Все душевные отношения между людьми основаны на их индивидуальности, тогда как рассудочные отношения считаются с людьми как с цифрами, как с элементами, по существу совершенно безразличными, ценными лишь по их объективному, поддающимся точному взвешиванию трудам» (24).

Отождествление денег с рассудочностью, бездушностью, безликостью и противопоставление их индивидуальности, чувству, «настоящим» ценностям стало одной из самых характерных тем еще в литературе романтизма. Пожалуй, наибольшей масштабности и остроты эта тенденция достигла в творчестве Бальзака. Поэтому естественно, что и модернистские репрезентации мегаполисов как будто вторят Зиммелю. В частности, в «Берлин, Александерплац» Дёблина и в «Манхэттене» Дос Пассоса именно деньги определяют взаимоотношения персонажей с городом и друг с другом.

В своем эссе Зиммель связывает со спецификой жизни в мегаполисе и проблему внутренней свободы личности, также одну из ключевых в произведениях романтиков: «... житель большого города «свободен» (в духовном, утонченном смысле) сравнительно с мелочностью и предрассудками, связывающими жителя маленького города. В самом деле, независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия, составляющих условия духовной жизни наших широких кругов, нигде не чувствуется так сильно, как в тесной сутолоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность» (31).

В сущности, ту же картину рисуют и модернистские «городские» романы: их персонажи постоянно окружены людьми – уличной толпой, пассажирами городского транспорта, посетителями ресторанов, кинотеатров, контор, гостиных и

ночлежек, но почти всегда они совершают те или иные шаги, побуждаемые лишь собственными интересами, расчетами и эмоциями. Каждый из них, будучи одним из миллионов жителей мегаполиса и одним из десятков персонажей романа, воспринимается как фигура автономная, связанная с другими действующими лицами лишь временно и в известной степени случайно. Способствует этому и то, что в подобных текстах редко присутствует информация о жизни героев до начала повествования и об их социальных связях. Читатель воспринимает их как случайных знакомых, чем-то привлекших его внимание в городской суматохе. Кроме того, по отношению к персонажам модернистских романов совершенно справедливо и утверждение Зиммеля: «Здесь, как и вообще, отнюдь не необходимо, чтобы свобода человека отражалась в его душевной жизни ощущением благополучия» (31).

Особое значение для творчества многих модернистов, как и для немецкого социолога, имеет мысль в том, что «из каждого пункта на поверхности жизни можно опустить лот в самые глубины души, что все самые банальные внешности связаны в последнем счете с конечным решением вопроса о смысле и стиле жизни» (27). Зиммелю это убеждение дает возможность связать пунктуальность и расчетливость городской жизни с уничтожением «тех иррациональных, инстинктивных самовластных свойств и импульсов, которые имеют склонность самостоятельно определять формы жизни вместо того, чтобы брать ее извне в виде готовой схемы». У писателей же этот «лот с поверхности жизни в глубины души» принимает форму особого внимания к деталям и произвольного перехода в повествовании от внешней для персонажа или рассказчика реальности к его «потoku сознания», воспоминаниям и эмоциональным реакциям.

Рассмотренные аналогии в изображении жизни мегаполиса, в подходах к ее анализу и интерпретации писателей-модернистов и Зиммеля, безусловно опиравшегося на накопленный опыт социологии, подводят к выводу о том, что в начале XX в. лучшие представители социальной теории и литературы передают, с позиций гуманитарного знания и искусства соответственно, сконцентрированный в мегаполисах дух современности, о котором еще в 1863 г. писал Шарль Бодлер¹².

Примечания

¹ Такой интерес к урбанизму именно немецких ученых можно объяснить тем, что в начале XX в. Берлин был

самым «молодым», самым современным и динамично развивающимся мегаполисом Европы.

- ² См., например: *Vidler A. Agoraphobia: Spatial estrangement in Georg Simmel and Siegfried Kracauer // New German Critique. No. 54, Special iss. on Siegfried Kracauer. Autumn, 1991. P. 31–45; Keith M. Walter Benjamin, urban studies and the narratives of city life // The Blackwell City Reader. Blackwell Publishing Ltd., 2002. P. 410–426; Pile S. Sleepwalking in the modern city: Walter Benjamin and Sigmund Freud in the world of dreams // A Companion to the City. Blackwell Publishing Ltd., 2000. P. 75–86.*
- ³ Назовем здесь хотя бы «Улисса» (1922) Дж. Джойса, «Бесплодную землю» (1922) Т.С. Элиота, «Петербург» (1913–1922) А. Белого, «Миссис Дэллоуэй» (1924) В. Вулф, «Процесс» (1925) Ф. Кафки, «Манхэттен» (1925) Дж. Дос Пассоса, «Берлин, Александерплац» (1929) А. Дёблина.
- ⁴ См., напр.: *Die Unwirklichkeit der Städte: Großstadtdarstellungen zwischen Moderne und Postmoderne / Hrsg. von K.R. Scherpe. Reinbek, 1988; Bradbury M. The cities of modernism // Bradbury M. & McFarlane J. (eds.). Modernism. Penguin Books, 1976; Lehan R. The City in Literature: an intellectual and cultural history. Berkeley: University of California Press, 1998; Johnson J. Literary Geography: Joyce, Woolf and the city // A Companion to the City. Blackwell Publishing Ltd., 2000. P. 60–70; Alter R. Imagined cities: Urban experience and the language of novel. Yale: Yale University Press, 2006.*
- ⁵ Набор таких «стрелок» можно дополнить репрезентациями города в языке, в других видах искусства и в массовой культуре.
- ⁶ *Фризби Д. Разрушение города: Социальная теория, мегаполис и экспрессионизм // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 257.*
- ⁷ Цитируемый перевод, опубликованный в журнале «Логос» без указания имени переводчика, местами не совсем верен. В оригинале эссе (*Simmel G. Die Grossstadte und das Geistesleben // Die Grossstadt. Jahrbuch der Gehe-Stiftung zu Dresden, 1903. 9. S. 185–206*) – «*Steigerung des Nervenlebens*» (курсив Зиммеля). Здесь речь идет скорее о «повышении уровня нервной жизни», т.е. интенсификации работы нервной системы.
- ⁸ *Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 23.* В дальнейшем эссе цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.
- ⁹ *Alter R. Imagined cities. Yale: Yale University Press, 2006. P. X.*
- ¹⁰ В оригинале эссе *gewohnter* – «более привычный».
- ¹¹ *Фризби Д. Указ. соч. С. 259.*
- ¹² См.: *Бодлер Ш. Художник современной жизни // Шарль Бодлер об искусстве / Сост. Ю.Н. Стефанова, А.Д. Чегодаева. М., 1986.*